

Ольга Гертман

Не путайте мурмурацию с мурмуригом

Нет, ну в самом деле. У этих слов — которые в заголовке для привлечения, как водится, внимания, — даже корни (почти) разные: у первого — латинский, у второго... в конечном счете тоже, конечно, латинский, но в первом приближении — английский, и это приводит к тому, что у двух слов, убедительно притворяющихся близнецами, — совсем, совсем разные значения. Сросшиеся своими латинскими корнями, эти вполне сиамские близнецы смотрят в совершенно разные стороны.

Собственно, *мурмурация с мурмуригом* бросились нам в глаза и напросились стать началом разговора о книге в целом только потому, что это — единственный на весь словарь яркий случай квазиблизнечества. Остальные яркие случаи из жизни слов (а они тут все яркие) — о другом и устроены иначе. Главное же — есть нечто, решающим образом объединяющее всю собранную сюда разноязыкую и даже разнографичную лексику: все эти слова возникли и начали потихоньку овладевать массовым сознанием в одно время — в первые два десятилетия XXI века и могут быть — по мысли авторов — прочитаны как симптомы культурного, интеллектуального, эмоционального состояния этого времени.

Значения уже упомянутых слов мы, конечно, из особенной вредности тут раскрывать не станем: зачем пересказывать читателю то, что он и сам узнает на страницах

книги?.. если, конечно, ему удастся ее раздобыть: место издания у этого целиком русскоязычного словаря, признаться, экзотическое. Хапур — это в индийском штате Уттар Прадеш (кстати, даже не столица его). Не допытывайся, читатель, почему, — сами не знаем. Однако точно знаем то, что духу предприятия, лежащего в основе словаря, это совершенно соответствует. Он, вообще-то, по замыслу — всемирный и повсеместный.

Приближение, обещанное подзаголовком книги, — действительно, самое первое. (Автор предисловия, он же составитель книги, Игорь Сид говорит, что это — только «дайджест-анонс», и вскоре нас ждет выход полного первого тома словаря, объем которого превысит нынешний примерно в два раза). Понятно, что неполными двумя сотнями страниц не охватить ни всех неологизмов, заведшихся во всех языках мира в XXI веке, ни даже, наверное, всех тенденций слово- и смыслообразования в языках этого времени. А ведь задачу себе участники этого грандиозного, не лишённого авантюристических обертонов, интеллектуального предприятия поставили именно такую: отследить новейшие слова — или новейшее употребление старых — во всех, всех возможных языках, какие только существуют. Тематический охват — максимальный, от (первым делом идущих на ум) технических новшеств вроде «умного дома», «умной одежды» и «умной пыли» и (идущих на ум на втором шаге) обозначений новейших политических реалий вроде филиппинского *трапо* (словцо новое, да явление старо: корыстный политик, игнорирующий интересы избирателей) до экспрессивного неологизма с оттенком просторечия в современном египетском диалекте арабского языка

Словарь культуры XXI века. Первое приближение / Составление, предисловие — Игорь Сид. Научный редактор Вадим Руднев. Члены редколлегии Анна Бражкина (Россия), Сарали Гинцбург (Испания), Игорь Сатановский (США). — Хапур: Kie Publication, 2020. — 196 с.

«уэр-уэр» (одобрительное междометие и прилагательное, означающее высокое качество, свежесть и чистоту) и — ну, скажем, словечка, обозначающего явление, которое существует, думаю, вообще примерно с сотворения мира (умильно посмотреть в нужный момент и выпросить желаемое), но заведшегося в речи словенцев — или, по крайней мере, замеченного в ней словарями — только в текущем столетии (это слово *?panjelizirati* — спаниелить).

Нет, систематическое описание тут по определению потерпело бы поражение.

И вот поэтому авторы (а с ними и составители, и авторы идеи всего словаря в целом) отказались от занудного в своей правильности академизма с самого начала и, надо думать, навсегда (словарь ведь намерен продолжаться и расти). Нет, за корректность сказанного они отвечают: в состав рабочей группы словаря входит научный редактор, который за нею следит. А это, между прочим, не кто иной, как философ Вадим Руднев — именно его, вышедший в конце прошлого столетия, «Словарь культуры XX века» — единоличный, авторский! — стал первообразом словаря культуры века XXI-го и стимулом к его возникновению; зерном, из которого выросла идея, — мы теперь застаем ее еще только в самом начале ветвления. Кстати, Рудневу же принадлежит и одна из словарных статей — о «странных объектах». Второй отец-основатель проекта — Михаил Эпштейн (он тут тоже один из авторов, анализирующий «начекизм» — им же самим предлагаемый возможный перевод новейшего американского *woke*) с его идеей *проективного словаря*, словаря будущей и возможной лексики, он же, по-английски, *predictionary (dictionary+prediction)*.

В отличие, правда, от Эпштейна, авторы словаря пишут о настоящем и его уже возникших словах — но ищут в нем ростки будущего.

Прекрасно помня о неминуемой условности и неполноте любого описания процессов настолько громадных масштабов, авторы избрали своей стилистической и интонационной стратегией эссеизм, близкий иной раз к публицистичности, роднящей статьи словаря со статьями ну если и не в газетах, то уж, во всяком случае, в толстых журналах. Особенно это заметно там, где речь заходит о словах, обозначающих что-то возникшее

совсем недавно, — вроде описываемой в словаре по совсем уж горячим, еще и не думающим застывать следам пандемии коронавируса. Выразительный пример — умная, основательная статья Евгения Бунимовича о «хоумскулинге», домашнем обучении, — строго говоря, о «способе получения образования, предполагающем изучение общеобразовательных предметов вне школы», — который за последний год сами-знаете-чего насытился новыми небывалыми значениями, включая эмоциональные. Стремительно, тремя абзацами очертив историю понятия, автор (педагог, знающий ситуацию изнутри) описывает новейшее состояние и термина, и обозначаемого им явления таким трогательным образом: «Массовый авральный переход миллионов школьников на обучение на дому привел к огромному числу проблем для родителей и детей — образовательных, психологических, социальных, технических. В русском языке это отразилось и в особенностях нынешнего широкого использования термина хоумскулинг. Дело в том, что в России есть глагол “скулить” [skulit’] — т.е. жалобно повизгивать, тихо выть, его чаще используют в разговоре о собаках, поэтому “скулинг” как часть термина “хоумскулинг” можно иронически трактовать как псевдоанглийское отглагольное существительное, означающее “тихое жалобное выть”. В результате термин “хоумскулинг” в русском языке обрел не только общепотребительный для всех языков смысл семейной формы обучения ребенка, но и дополнительный жалобно-иронический смысл, означающий “достал этот ваш перевод всех детей на домашнее обучение, нет больше сил, хочется выть.”»

(Сразу, кстати, видно, что, будучи русскоязычным в своем нынешнем облике, словарь постоянно имеет в виду свои — будущие? — переводы, свою изначальную адресованность и иноязычным аудиториям — поскольку объясняет вещи, носителю русского языка очевидные.)

Да, все это органичнее смотрелось бы на страницах толстого журнала, чем словаря в его сколько-нибудь традиционном понимании. Однако упомянутая публицистичность — ни в коем случае не недостаток ни процитированного текста в частности, ни книги

вообще, она, скорее, — их жанровая особенность: самым адекватным для себя эти тексты чувствуют расположиться между жанрами, избирательно используя возможности каждой из них. (И, кстати, обратим внимание на то, что в цитированном тексте характерным для словаря образом упоминаются свойственные представляемой автором культуре приметы бытования слова.) В случае книги в целом, кажется, уместнее всего говорить о «мерцающей» стилистической позиции и жанровой принадлежности, от статьи к статье смещающейся в сторону то культурологического анализизма (как, например, в «Аватаре» Татьяны Бонч-Осмоловской или в «Поляризованной биосфере» Владимира Каганского — пожалуй, одного из самых научных текстов книги, с которым соперничает в этом отношении разве что лишь основательнейший «Трансгуманизм» Данилы Давыдова), то, наоборот, к эссеистичности вроде той, с которой Илья Фальковский рассказывает о труднопереводимом с китайского выражении «чжаньдоу миньцзу» (обозначающего, между прочим, национальные особенности русских — в представлении, конечно, китайцев. А вот опять не скажу, что это значит. Ищите книжку!). Таким гибким, пластичным стилистическим и интонационным инструментом лучше всего схватывается то, что, пребывая в становлении, только обретает свое место в культуре, между чем и нами, этот предмет наблюдающими, еще не образовалась дистанция, способствующая объективности, беспристрастности, а с ними и чистой теоретичности.

Другая особенность представленного в книге коллективного взгляда — то, что в поле его зрения то и дело попадает лексика, совсем уж экзотичная для обитателей тех областей мира, которые привыкли почитать себя центральными и нормообразующими (ну, вы поняли: стран евро-американского культурного круга), и вряд ли, честно сказать, известная за пределами породившего ее локуса. Да, кругозор это расширяет чрезвычайно — можно даже сказать, делает читателя-европейца более гибким и разнообразным внутренне, поскольку представляет ему совсем не очевидные для

того модели мышления и действия. Выразительный пример — «Сиракоро», «Под бабабом» на африканских языках бамана и малинке: статья об этом слове на самом деле имеет более широкую тему — обычай называть города, деревни, автобусные остановки «древесными» топонимами в благодарную память о деревьях, которых уже нет. Практика, характерная для Африки (особенно — Западной) и вряд ли существующая в иных краях (а также — стоит задаться вопросом — действительно ли появившаяся именно в XXI веке, которому посвящен словарь? на это в статье не указывает ничто).

Но да: при всем неминуемом разбросе внимания и эссеистичности основного количества вошедших сюда словарных статей, при всей экзотичности значительных объемов втянутого в орбиту их внимания материала авторы, безусловно, намерены отслеживать именно глобальные тенденции. Более того, они — посредством ныне представляемого издания — намерены активно их формировать. В частности, в этих целях они вытягивают экзотические слова из тех областей мира, что кажутся нам окраинами, и предлагают ввести их во всеобщий оборот (а заодно и нас с вами вывести из слишком жесткой идентификации себя с хорошо обжитыми этническими, языковыми, культурными группами), способствовать филологическому диалогу. И даже (создаваемым многовекторностью и полицентризмом словаря) «легким шизофреническим эффектом» (как говорит Игорь Сид) намерены не только портретировать вполне себе шизофреничный XXI век, но — куда более и важнее того! — «дезориентируя читателя <...>, оказывать на него терапевтическое воздействие, повышая его адаптивность в мире с непрерывно дрейфующими ориентирами».

Тут, конечно, самое время раскрыть некоторые карты (не все, не все). Дело в том, что автор этих, усиленно старающихся быть объективными, строк — и сам(а) в числе участников этого предприятия (к оправданию дерзкого принятия ею на себя роли рецензента пусть послужит то, что словарь в целом предстал ее взору, только уже будучи изданным, новым и неожиданным, — и только тогда все его

особенности стали, наконец, видны). Но тут уж автор спешит провозгласить, что ценностные основы и пафос этого издания он(а) разделяет всем сердцем и то критическое, что мог(ла) бы о книге высказать, — адресует и себе тоже.

(Тут рецензент снимает маску и начинает говорить от первого лица: теперь-то ведь можно?)

Так вот, мне, признаюсь, академизма, аналитичности и теоретичности в книге все-таки не хватило, а с ними иной раз ощутимо недоставало и основательности — родной сестры (согласна, не близнеца) глубины. А еще не хватило мне у каждой статьи, как это в словарях и энциклопедиях вообще-то заведено, хоть небольшого списка литературы, который позволил бы проследить историю рассматриваемых здесь понятий и разнообразие существующих взглядов на них (а заодно связало бы книгу с большими контекстами).

Ну, честно сказать, мне еще и венгерских слов тут не хватило (чего это африканские есть, а венгерских нет?), хотя могла бы постараться хоть одно раздобыть. А взамен того написала об одном вросшем в русский язык англицизме, но очень любопытном, между прочим.

Однако, во всяком случае, важно и интересно, что этот словарь активно втягивает в поле своего внимания лексику из неевропейских (неевроамериканских) областей мира, выявляя тем самым новые, практически не освоенные вниманием, источники смысла, и что он — словарь-процесс, созданный нарочно для того, чтобы наращиваться с самых разных сторон и ветвиться в самых непредсказуемых направлениях. Не будь он вынужденным печататься на бумаге, его бы стоило выстроить в форме — вращающегося и постоянно растущего — шара.

Уэр-уэр!